

Шарафутдин Арифович Магарамов
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
sharafutdin@list.ru

ЛИЧНЫЕ КОНТАКТЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО С ПРАВЯЩИМИ ЭЛИТАМИ ДАГЕСТАНА

Аннотация. Историографический анализ событий Петровской эпохи на Кавказе показывает, что проблема личных контактов государя Петра I с правящими элитами Дагестана в период его похода в 1722 г. остается одним из слабо разработанных исторических аспектов. Личные контакты царя с иноэтничными элитами были частью его имперской политики по расширению территорий Российского государства, вовлечению в сферу политико-правового пространства империи новых подданных, обеспечения их преданности и лояльности в условиях полиэтничности и политической раздробленности Кавказа. Обеспечение лояльности местных элит достигалось путем вовлечения их в социальную структуру империи, в ее экономическую систему. Контакты Петра Первого с дагестанскими владельцами имели место во время Персидского похода – последней его крупной внешнеполитической акции, в результате которого юго-западный Прикаспий ненадолго был завоеван и присоединен к Российской империи. Проведенное исследование позволило выяснить, чем определялась пророссийская позиция того или иного дагестанского владельца, их отношение к Петру I, в частности. Контакты сторон сопровождалась одариванием друг друга дорогими подарками, пожалованием чинов перешедшей в российское подданство правящей верхушке, утверждением в должностях, назначением ее представителям жалованья и пр. Исследование проведено на основе анализа ретроспективной документальной информации, извлеченной из документов научных архивов России и историографических источников. Источниковой базой исследования, кроме архивных документов, послужили материалы непосредственных участников и очевидцев встречи Петра I и ряда дагестанских владельцев: «Походный журнал 1722 г.», составленный в середине XIX в. на основе дневниковых записей Петра I, путевые записки шотландского врача Дж. Белла и артиллерийского капитана Питера Брюса. Последние два источника в данной работе использованы в оригинале.

Ключевые слова: Петр Великий; Персидский поход; Дагестан; правящие элиты; личные контакты; межэтнические отношения; подношения; подарки.

Для цитирования: Магарамов Ш.А. Личные контакты Петра Великого с правящими элитами Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 908-918. doi: 10.32653/CH184908-918

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184908-918>

Research paper

Sharafutdin A. Magaramov,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of History, Archeology of Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
sharafutdin@list.ru

PERSONAL CONTACTS OF PETER THE GREAT WITH THE RULING ELITES OF DAGESTAN

Abstract. A historiographical analysis of the events of the Petrine era in the Caucasus demonstrates that the problem of personal contacts of Tsar Peter I with the ruling elites of Dagestan during his campaign in 1722 remains one of the poorly developed historical aspects. The tsar's personal contacts with foreign elites were part of his imperial policy of expanding the territories of the Russian state, involving new subjects in the sphere of the political and legal space of the empire, ensuring their loyalty in the conditions of multi-ethnicity and political fragmentation of the Caucasus. Such ensuring was achieved by involving local elites in the social structure of the empire, in its economic system. Peter the Great's contacts with the Dagestan rulers took place during the Persian expedition – his last major foreign policy campaign, as a result of which the southwestern Caspian region was briefly conquered and annexed to the Russian Empire. The conducted study made it possible to identify the reason that determined the pro-Russian position of one or another Dagestan ruler, their attitude to Peter I, in particular. The contacts of the parties were accompanied by giving each other expensive gifts, awarding ranks to the ruling elite that had passed into Russian citizenship, confirmation in positions, assignment of salaries to its representatives, etc. The study is based on the analysis of retrospective documentary information collected from documents of scientific archives of Russia and historiographical sources. The source base of the study, in addition to archival documents, are the materials of direct participants and eyewitnesses of the meeting of Peter I and a number of Dagestani rulers: “The War Diary of 1722”, compiled in the middle of the XIX century based on the diary entries of Peter I, travel notes of the Scottish doctor J. Bell and Artillery Captain Peter Bruce. The last two sources in this study are used in the original.

Keywords: Peter the Great; Persian campaign; Dagestan; ruling elites; personal contacts; interethnic relations; offerings; gifts.

For citation: Magaramov ShA. Personal contacts of Peter the Great with the ruling elites of Dagestan. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 908-918. doi: 10.32653/CH184908-918

© Sh.A. Magaramov, 2022
© Seferbekov M.R., translation, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

В юбилейный 2022 год, когда широко отмечается 350-летие со дня рождения первого российского императора Петра Великого, особую актуальность приобретает изучение различных исторических сюжетов, связанных с Петровской эпохой. Нынешний 2022 год примечателен еще тем, что ровно 300 лет тому назад Петром I был предпринят Персидский поход с целью завоевания бассейна Каспийского моря и превращения этого пространства в важнейший коммуникационный узел с восточными странами. Юбилейные даты всегда активизируют научный поиск о том или ином событии, выдающемся деятеле. Историографический анализ событий Петровской эпохи на Восточном Кавказе показал, что проблема личных контактов государя Петра I с правящими элитами Дагестана в период Персидского похода остается одним из слабо разработанных исторических аспектов. В историографии отмечается, что в процессе личных контактов царя с этническими элитами происходит взаимная репрезентация власти и подданных, что является формой межэтнических отношений в Российской империи, а также повторного изъявления покорности жителями национальных окраин [1, с. 6–7, 152]. Кроме того, участие региональных элит в мероприятиях, связанных со встречей и пребыванием высших государственных деятелей, как отмечает американский историк, специалист по истории российской империи Р.С. Уортман, «вовлекало глав завоеванных земель и местную придворную знать в церемониальные представления имперской элиты» [2, с. 195]. В этой связи изучение поставленной в статье проблемы представляет важный научный интерес.

Личные контакты Петра I с «иноверческой» верхушкой были частью этнической политики Российского государства, которые в настоящей статье рассматриваются с позиций имперской власти и новых подданных. Первая позиция позволяет изучить символические приемы и способы вовлечения иноземных народов в орбиту российской государственности, в имперское политико-правовое пространство, методы обеспечения их преданности и лояльности. Вторая позиция предполагает анализ «презентации» себя имперской власти, демонстрации своей osobости и ценности для Российского государства [1, с. 15].

27 июля 1722 г. государь, приплывший из Астрахани, вышел на дагестанский берег в Аграханском заливе. Вслед за ним началась высадка армии. Далее путь императорских войск пролегал по сухопутью вдоль западного берега Каспийского моря. За несколько дней до высадки Петра I произошла встреча русских войск с отрядами эндиреевского владетеля Айдемира. Сторонник активных военных действий на Кавказе А.П. Волынский ранее убедил царя «учинить отмщение Андреевским владельцам» за их антироссийскую позицию. 23 июля 1722 г. против жителей селения Энديرей была предпринята экспедиция по командованием бригадира А. Ветерани, принеся значительные потери среди императорских войск¹. Тем не менее, экспедиция привела к тому, что в октябре 1722 г. Айдемир заверяет коменданта крепости Святой Крест Л.Я. Соимонова о том, что он будет верно служить российской власти и подчеркивает, что еще «отец мой Амзий в прежних годах государю верно служил»². В свою очередь комендант Л.Я. Соимонов в ноябре того же года докладывает кабинет-секретарю А.В. Макарову, что Айдемир «хочет его императорскому величеству по смерть свою в верности быть... и объявил ему, что от наших людей обиды им никакой показано не будет»³.

1. Более подробно об экспедиции российских войск в дагестанский Энديرей см.: [3].

2. Описание книг входящих в Кабинет письмом от разных персон в 1722 году // РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 61. Л. 308-309 об.

3. Там же. Л. 308.

Первым из дагестанских владетелей государя Петра I решил встретить шамхал Тарковский Адиль-Гирей, который был принят в российское подданство накануне похода. 5 августа шамхал прибыл к месту переправы российской армии через реку Сулак. Генерал-адмирал Ф.М. Апраксин сообщил царю о прибытии Адиль-Гирея в лагерь российских войск, а гостю продемонстрировал российские полки [4, с. 118]. По мнению британского военного инженера Питера Генри Брюса, участника Персидского похода, императорская армия сильно впечатлила шамхала: «После того, как наша армия прошла мимо него строем, он, по всей видимости, был весьма удивлен такой безупречной дисциплиной, так как доселе не видел регулярных войск» [5, р. 267].

На следующий день, 6 августа, шамхал Адиль-Гирей вышел на встречу Петру I, разоружившись, так же, как и вся его свита. Шамхал заверил императора в своей верности престолу: «до ныне Его Величеству служил со всякою верностию, а ныне и наипаче служить Его Величеству верно будет». Государь в свою очередь заверил шамхала, «что за службы его содержан он (Адиль-Гирей. – авт.) будет в милости Его Величества», за что шамхал поблагодарил Петра I [6, с. 108]. Вместе с шамхалом для встречи с царем прибыл еще один дагестанский владетель – аксайский Султан-Махмуд, который также подтвердил свое подданство, «обещая к повелениям его всякое послушание». Пётр I со своей стороны подтвердил все дарованные ему ранее права и преимущества [7, с. 484]. Благожелательное отношение государя к местным владельцам заметно из сообщения шотландского врача Дж. Белла, сопровождавшего Петра I в походе: «Петр принял его (Адиль-Гирея. – авт.) весьма ласково и таким же образом принял других офицеров (скорее всего, речь идет об Султан-Махмуде Аксайском и других князьях), которые явились в компании Адиль-Гирея» [8, р. 340].

Шамхал передал царю 600 быков в упряжках, ещё 150 – под провиант для армии и 3 персидских лошадей, а Султан-Махмуд – 100 быков и 6 «изрядных» персидских лошадей⁴. И в XIX в. в дар российским императорам приводили породистых лошадей казаки и калмыки, издавна торговавшие с русскими скотом [1, с. 142].

Очередная встреча шамхала Адиль-Гирея с Петром I состоялась 12 августа во время продвижения российской армии к шамхальским владениям на расстоянии пяти верст от Тарков. Шамхал прибыл на встречу со своим ближайшим окружением численностью около ста человек на лошадях. Он слез с лошади и, подойдя к Петру I, поздравил его с прибытием к его владениям. Со своей стороны государь обнадежил шамхала в своей милости и заверил его о том, что его подданным никакой обиды и вреда со стороны императорской армии не будет причинено, и чтобы они того не опасались. Затем шамхал подошел к карете супруги царя Екатерины Алексеевны, поприветствовал ее поклоном и также поздравил с успешным прибытием [9, с. 110]. Видимо, во время данной встречи шамхал пригласил императора посетить его дом, и он принял его приглашение.

13 августа Пётр I в сопровождении военных министров и генералов въехал в резиденцию шамхала, где в первую очередь решил осмотреть гору, что выше Тарков, где располагалась сторожевая башня с одной пушкой. В честь высокого гостя из данной пушки был сделан выстрел. Затем император, прогуливаясь с шамхалом по разным его дворам, вдруг поинтересовался у него – был ли он в Эндирее и какие там постройки. Ответ шамхала был таким, что он «там бывал и строение в ней было мазанки (из кирпича смеси глины с соломой)» [9, с. 112]. Эндиреем любопытный император

4. Поход Императора Петра Великого в Персию // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1540. Л. 69. Генри Брюс сообщает о 600 телегах, запреженных в каждую по два вола, и о 500 быках для армии (Bruce P.H. Op. cit. P. 267)

интересовался не без оснований, видимо, первое столкновение его войск с неприятелем и значительные потери среди них сильно расстроили государя.

Шамхал пригласил императора в один из своих дворов, «где его жены» проживали. Первое, что удивило царя, это обилие изящной и разнообразной посуды, которой был сервирован стол. Государь поинтересовался у шамхала насчет происхождения посуды. Шамхал ответил, что посуда персидского производства и изготовлена в городе Мешхеде. Как позже выяснилось, царь интересовался дорогой посудой в шамхальском доме, чтобы наладить ее поставки в Россию. Как отмечал Г.С. Федоров, буквально через пару лет посуда из Мешхеда уже продавалась в Астрахани и числилась в реестре российских купцов, торговавших с восточными странами [10, с. 85].

Гости сидели за обедом по восточному обычаю на полу на подушках, пол был застлан коврами. Государя познакомили с двумя шамхальскими женами, зашедшими в комнату вместе с другими шестью женами знатных людей. Все они поприветствовали высокого гостя поклоном. Затем постелили на полу скатерть и подали разнообразной еды. Император побыл в гостях у шамхала недолго, и вскоре вернулся в лагерь. Провожая царя, Адиль-Гирей поблагодарил его за посещение его дома и подарил ему серого аргамака с золотым конским убором [9, с. 113] и шелковый персидский шатер. В знак благодарности за теплый прием государь одарил шамхала золотыми часами, позаимствованными для этого случая у камер-юнкера Вилима Монса [11, с. 254]. Шамхал предложил услугам императора все свое войско, но он взял только нескольких опытных наездников. Со своей стороны, царь отправил к шамхалу почетный караул из 12 солдат, которые оставались в Тарках вплоть до кончины Петра I [12, с. 9].

На следующий день, 14 августа, сопровождавшую Петра I в походе супругу Екатерину Алексеевну посетили жены шамхала Адиль-Гирея. Они были приняты императрицей в шатре и оказали ей «достойное подданское почтение, и принесли Ея величеству подарки, несколько парчей и фрукты» [9, с. 113–114]. Подробности этой встречи приводятся в мемуарах Генри Брюса: «женщины шамхала, в сопровождении других дам, приехали с визитом к ее величеству. Они явились в карете столь закрытом, что их нельзя было разглядеть. Когда они прибыли к императорскому шатру, их усадили на подушки из красного бархата; подушки были уложены на персидских коврах, постеленных на земле, и дамы уселись на них, скрестив ноги в соответствии с их традициями. После этого императрица приказала офицерам, чтобы те, когда, наконец, удовлетворят свое любопытство, удалились и освободили место для других. Визит длился до поздней ночи, и дам отвезли обратно в город, с достаточным количеством факелов, весьма удовлетворенных этим визитом. Не по одним лишь рассказам, но и убедившись своими глазами, как свободно живут наши женщины, они были этим тронуты...» [5, р. 273–274].

Эта встреча произвела большое впечатление на обе стороны, поскольку столкнула людей из совершенно двух разных цивилизаций. Для жен шамхала она была более значима, так как большую часть времени они были замкнуты в своей среде и в отличие от российской императрицы не выезжали за пределы родного края [13, с. 894].

Пророссийская позиция шамхала Адиль-Гирея, отношение к Петру Первому в частности, была вызвана его желанием утвердить свое исключительное положение среди остальных дагестанских владетелей, политический статус царского подданного этому должен был способствовать. Шамхал был заинтересован в русской помощи и поддержке в княжеской междоусобице. В переписке с центральной властью он просил не назначать своего противника Муртазалея правителем в Казанищах, предлагал арестовать его как противника российской власти и сообщника уцмия Кайтагского

и лезгинского владетеля Хаджи-Дауда. Российские власти ограничились отказом в просьбе Муртазалею в назначении его казанищенским правителем [6, с. 262–265]. Кроме того, в планы шамхала входило расширение территории своего владения посредством установления власти над кочевавшими в районе Сулака ногайцами, проживавшими в районе Терека «окочанами» (этногруппа чеченцев) и возвращение под свое управление пяти деревень в Мюшкюрской области к югу от Дербента, переданных ему еще сефевидским шахом. Имперской властью жалованной грамотой Петра I от 21 сентября 1722 г. за шамхалом было признано и право на владение землями утамышского султана Махмуда [6, с. 267–268]. Адиль-Гирей мечтал быть правителем всего Дагестана. В последующем шамхал разочаровался в действиях российских властей, не утвердивших его исключительную роль среди остальных дагестанских владетелей, и стал противником российских интересов в регионе. За антироссийскую деятельность 21 мая 1726 г. шамхал Адиль-Гирей был взят под арест⁵ и отправлен в ссылку в Архангелогородскую губернию, где в январе 1732 г. скончался⁶.

Тем не менее, посещение Петром I резиденции и дома шамхала было для Адиль-Гирея особой честью, знаком проявления к нему царской милости. Воспоминания об этом историческом событии хранились в шамхальском доме спустя более чем столетие, а помещение, где проходил прием, со временем превратилось в мнемоническое место. Посетивший в 1842 г. Дагестан и дом шамхала российский востоковед И.Н. Березин писал: «На втором дворе, расположенном в ряд с первым, находится с левой стороны продолговатая четверугольная комната, также с бассейном, замечательная тем, что в ней принимал шамхал императора Петра во время пребывания Его в Тарху. Теперь эта комната стоит совершенно пустая, стены ее закоптели, окна и двери заперты, но память Великого стережет ее и от людей, и от времени» [14, с. 75].

Военный историк В.А. Потто в связи с посещением царем Александром III вместе с семьей Кавказа в 1888 г. также приводит сохранившиеся в дагестанской народной памяти предания о подобных исторических событиях в прошлом. Он пишет, что ещё живы старожилы, которые с восторгом рассказывают, как они встречали императора Николая I в 1837 г.; ещё больше тех, которые помнят, как они благословляли царя Александра II в 1861 г. во время его визита на Кавказ. Автор упоминает и о бытовавшем предании встречи шамхала с Екатериной Алексеевной, что удивительно, а не с самим Петром I. Данное предание, глубоко запечатлевшееся в памяти «туземцев», рассказывает как тарковский шамхал, выехавший на встречу с русской царицей, был поражен величием этой минуты и, «благоговейно сойдя с коня, поцеловал ту землю, на которой стояла нога императрицы» [15, с. 2–3].

На основе данного предания В.А. Потто проводит параллели в настроениях представителей местных сообществ во время встреч с российскими царями в разные исторические эпохи. Называя шамхала Адиль-Гирея в характерном духе дореволюционной историографической традиции «полудиким», автор отмечает, что «если таковы были чувства, невольно охватившие тогда полудикого шамхала, насколько же эти чувства должны были сказаться» в 1888 г., когда «в сердцах тех народов, которых ... братски приняла Россия в мощные объятия победоносного орла...» [15, с. 3]. При этом автор

5. «Ведомости из Низового корпуса 1725, 1726 и 1727 годов о поиску над недоброжелательными персиянами и горскими народами». Рапорты о военных действиях против персов и горцев генералов: Михаила Матюшина, Гаврилы Кропотова, князя Василия Долгорукова с мая 1725 г. по июль 1727 г. // РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 9. Л. 81–82 об.

6. Доношения Архангелогородской, Астраханской, Казанской, Новгородской и Смоленской губернских, Севской и Вологодской провинциальных канцелярий о сборе сведений для Сената, о количестве населения, зачисленного в подушный оклад после окончания Генеральной переписи, сумме взимаемого подушного оклада и учреждениях, получающих эти деньги // РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 781. Л. 85 и об.

упускает из виду, что депутации из местных народов для встреч с российскими царями тщательно отбирались, и что среди них не могло быть случайных людей. С другой стороны, вполне понятно, что сакральная персона, как и образ всякого государя, вселяла в горцев суеверное почтение.

Далее путь российской армии к Дербенту пролегал через владения уцмия Кайтагского Ахмед-хана, не проявившего покорность царю. Он не стал сам препятствовать проходу императорской армии через свои владения, но сумел настроить на нападение соседнего владетеля. 19 августа 1722 г. петровская армия в районе реки Инчхе была атакована отрядами утамышского владетеля султана Махмуда. Нападение войск султана утамышского Генри Брюс объясняет ответом на карательную экспедицию драгунов во главе А. Ветерани против селения Эндирей. Он пишет, что приказ Петра I повесить доставленного в лагерь одного из эндиреевских владетелей «в пример остальным так разозлило других дагестанских владетелей, что они твердо решили мстить, чем доставили нам немало трудностей» [5, р. 268]. В итоге генерал-майор Г.С. Кропотков атаковал владения султана Махмуда и сжег их; такая же участь постигла и резиденцию султана – селение Утамыш. Потери среди местных насчитывали 600 или 700 человек, в плен было взято 40 человек, среди которых был мусульманский священнослужитель, который был причастен к жестокой расправе над посланными к султану утамышскому казаками. Другой пленник, приведенный к палатке для допроса, хранил молчание, после чего было приказано раздеть его и высечь. Однако, получив первый удар хлыстом, он выхватил шпагу у офицера и устремился с ней прямо на адмирала Ф.М. Апраксина, которого он бы наверняка убил, если бы не двое часовых, стоявших перед палаткой, которые вонзили в него свои штыки. Падая, он схватился за мушкет одного из часовых и откусил ему кусок плоти с руки, когда тот пытался вырвать ружье из его рук. Когда государь вошел в палатку, адмирал сказал, что он не для того пришел в эту страну, чтоб его пожрали бешеные собаки; во всю жизнь еще ни разу он так не испугался. Император, улыбаясь, ответил: «Если б этот народ имел понятие о военном искусстве, тогда бы ни одна нация не могла бы справиться с ними» [5, р. 281].

Перед Дербентом Петра I ждала более торжественная встреча, организованная дербентским правителем (наиб) Имамом Кули-беком, принявшим решение добровольно сдать город государю. Возможно, что на позицию наиба могла повлиять сложная ситуация вокруг Дербента: на город постоянно нападали отряды дагестанских владетелей, боровшиеся против персидской власти. Наibu приходилось защищать город собственными силами. Имам Кули-бек был наибом и при прежней персидской администрации, когда Дербент являлся центром персидского наместничества в Дагестане. В 1721 г. в самый разгар антииранских движений наместник шаха в Дербенте, оставив наиба единственным правителем в городе, убежал в Исфахан [16, с. 70].

23 августа на расстоянии пары верст от города наиб вместе с городской знатью встретил государя и произнес верноподданническую речь [12, с. 11–12]. Речь наиба примечательна тем, что в ней Петр Великий сравнивается с Александром Македонским, и в действиях российского императора подчеркивается античный антураж. В знак покорности наиб поднес императору серебряный ключ от города⁷.

Государь был в восторге от теплого приема его дербентской знатью во главе с наибом и горожанами. Свои впечатления от встречи с дербентцами он отразил в письме к

7. Документы и письма к графу Ф.М. Апраксину по Персидскому походу: о военных действиях; о плавании судов; о доставке припасов; о сношениях с горцами. Приготовление к приезду Петра I в Дербент // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Д. 209.

сенаторам от 30 августа 1722 г.: «... сии люди нелицемерною любовью приняли и так нам ради, как бы своих из осады выручили» [17, с. 36].

Находясь в Дербенте, любознательный монарх продолжал знакомство с городом, осмотрел крепость Нарын-кала, наметил место для строительства гавани, побывал в мыльне [6, с. 113–115]. Пребывание Петра I в Дербенте завершилось пиром в его шатре, куда он пригласил наиба разделить с ним ужин [15, с. 73–74].

Имам Кули-бек подарил государю Петру I породистых лошадей – армамаков, ковры и рукопись хроники «Дербенд-наме», впоследствии получившей широкую известность у востоковедов.

Перед отбытием из Дербента Петр I за оказанные ему «верные услуги» утвердил Имама Кули-бека в той же должности наиба, назначил начальником «туземного» войска, пожаловал чин генерал-майора, определил на постоянной основе ежегодное жалованье в размере 3 тыс. руб. и наградил собственным портретом, украшенным алмазами⁸. Дербентские жители были уравнены в правах с русскими купцами, получили право торговать в российских городах и рынках [7, с. 485–486].

Взятию города Дербента придавалось такое же важное стратегическое значение, как завоевание Петром Великим в 1702 г. шведской крепости Нотебург на Ладожском озере, о чем в своей речи подчеркнул архиепископ Феофан Прокопович, встречавший императора вместе с членами Синода и Сената в Москве⁹ перед Триумфальными воротами [18, с. 313–315], на которых был изображен Дербент.

Встречи Петра I с другими двумя дагестанскими владетелями – Хаджи-Даудом Мюшкюрским и Сурхай-ханом Казикумухским – не могли состояться, поскольку они были объявлены «бунтовщиками», от чьих действий в Шемахе пострадали русские купцы в 1721 г., и что послужило официальным поводом для похода. Указанные владетели, боясь наказания российских властей, перешли под протекцию Османской империи.

Справедливости ради, следует заметить, Хаджи-Дауд, начиная с середины 1720-х гг., как и в 1721 г. [6, с. 240–141], неоднократно просил о российской помощи и протекции. Однако имперские власти, чтобы не нарушать условия мирного договора 1724 г. с турками, решили и на этот раз отказать ему в российском подданстве. В резолюции от 28 марта 1728 г. командовавшего Низовым корпусом князя В.В. Долгорукова находящемуся в Баку генералу А.И. Румянцеву было дано указание, чтобы «ево (Хаджи-Дауда в российскую протекцию. – прим. авт.) не принимать, ибо нам от него какую прибыль иметь не видится»¹⁰.

Итак, у государя Петра I во время Персидского похода состоялись встречи не со всеми дагестанскими владетелями. В числе выразивших покорность российскому императору владетелей и с кем состоялись личные контакты царя оказались шамхал Тарковский Адиль-Гирей, аксайский владетель Султан-Махмуд и дербентский наиб Имам Кули-бек. Остальные дагестанские владетели – уцмий Ахмед-хан Кайтагский, утамышский владетель Султан Махмуд, владетель Эндирея Айдемир, лезгинский владетель Хаджи-Дауд и казикумухский владетель Сурхай-хан заняли по отношению

8. Указы императрицы, письма и переводы писем брагунских, Большой и Малой Кабарды, тарковского, терского и чеченского владельцев о денежном жалованье и пахотных земель // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 203. Д. 79 и об.

9. И Ф.И. Соймонов [19, с. 105], и И.И. Голиков [18, с. 313–314] указывают, что при въезде в Москву в декабре 1722 г. императору был устроен торжественный прием перед Триумфальными воротами. Правда, даты приема государя у авторов различаются: Соймонов приводит дату 13 декабря, в то время как Голиков, комментируя уточнение даты на 18 декабря, отмечает, что он следовал данным хранящегося у него манускрипта, в подлинности которого он не сомневается.

10. Сообщения князя Василия Долгорукова о состоянии Низового корпуса. Отправление в оный корпус рекрут и бунт их (1726–1729 гг.) // РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 19. Л. 219.

имперской власти враждебную позицию, последние два владельца перешли под протекцию турок. Табасаранские владельцы отправили своих посланников на встречу с Петром I в Дербент. Горная часть Дагестана в это время не входила в сферу российских интересов, и поэтому контакты аварского правителя Умма-хана с Петром I не сложились. Чуть позже, в 1727 г. Умма-хан присягнул на верность Российскому государству [20, с. 74]. Позиции проявивших лояльность русским и признавших подданство царя владельцев определялись в первую очередь желанием сохранить свой политический статус, целостность владений, находиться под покровительством сильной державы, получить торговые привилегии. Правящим элитам, чьи владения примыкали к прикаспийской низменности, не было смысла и шансов противостоять многотысячной, хорошо вооруженной императорской армии. В этом плане наиболее дальновидной оказалась политическая позиция наиба Дербента, сохранившего свой прежний политический статус, добившегося обеспечения горожан новой властью продовольствием и получения ими торговых привилегий. Российская власть в свою очередь высоко оценила позицию наиба, проявив благосклонность не только наибу, но и ко всем горожанам. Особый статус наиба позволил ему посетить императорский двор в Петербурге в 1726–1727 гг., во время которого он обратился к императрице Екатерине I и министрам с прошениями, которые были удовлетворены¹¹.

Встречи государя Петра I с дагестанскими владельцами были частью этнической политики, важным средством выстраивания отношений с этническими элитами. Имперская власть проявляла себя посредством системы пожалований – чинами, денежными выплатами, торговыми льготами, подарками и др. Обеспечение лояльности местных элит достигалось путем вовлечения их в социальную структуру империи, в ее экономическую систему. Местные элиты, находясь в российском подданстве, укрепляли свой политический статус, получали покровительство власти в междоусобицах и имели возможность сообщать о своих нуждах царю. Встречи Петра I и дагестанских владельцев ничем не отличались от встреч государя с другими восточными персонами, в частности, если посмотреть на его встречи с калмыцким ханом Аюкой в 1722 г., то можно обнаружить много параллелей.

11. О пребывании в Петербурге дербентского наиба; его прошения и ответы на них; разрешение ему выехать в Москву, а затем на родину; награждение его чином генерал-майора // АВПРИ. Ф. 77. 1727 г. Оп. 77/1. Д. 16. Л. 46–49.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2018.
2. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2004.
3. Магарамов Ш.А. Рапорт бригадира А. Ветерани императору Петру I: новый документ об экспедиции российских войск в село Эндирей в Дагестане. 1722 г. // Вестник архивиста. 2021. № 4. С. 1118–1130.
4. Курукин И.В. Планы и итоги Персидского похода Петра I // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2. М.: Квадрига, 2011. С. 110–128.
5. Bruce P.H. *Memoirs of Peter Henry Bruce, esq. <...> containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies, etc.* London: Printed for the author's widow, and sold by T. Payne and son, 1782.
6. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958.
7. О Персидском походе при государе Петре Великом // Русский архив. № 12. 1899. С. 481–491.
8. John Bell. *Travels from St. Petersburg in Russia to divers parts of Asia. Vol. II.* Glasgow: Print. by R. and A. Foulis, 1763.
9. Походный журнал 1722 г. СПб.: [б. и.], 1855.
10. Федоров Г.С. Некоторые эпизоды из истории похода Петра I на Кавказ // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1988. С. 84–95.
11. Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1668–1737. М.: Синодальная Типография, 1914.
12. Потто В.А. Пётр I на берегу Каспийского моря. СПб.: В. Березовский, 1912.
13. Полчаева Ф.А. Образ Петра I в исторической памяти населения Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. № 4. 2020. С. 888–899.
14. Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч. I. Казань: Унив. тип., 1850.
15. Потто В.А. Царская семья на Кавказе 18 сентября – 14 октября 1888 г. Тифлис: Тип. Окр. штаба Кавк. воен. окр., 1889.
16. Краткая летопись войнам, веденным русскими против персиян // Отечественные записки. Ч. 32. СПб., 1827. С. 53–93, 169–198.
17. Бумаги императора Петра I. СПб.: Тип. 2-го отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1873.
18. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. VIII. М.: Тип. Н. Степанова, 1789.
19. Соимонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть
1. Trepavlov VV. *Symbols and rituals in the ethnic policy of Russia in the 16th–19th centuries.* St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2018. (In Russ.)
2. Worthman RS. *Power scenarios. Myths and ceremonies of the Russian monarchy. Vol. 1. From Peter the Great to the death of Nicholas I.* Moscow: OGI, 2004. (In Russ.)
3. Magaramov ShA. Report of Brigadier A. Veterani to Emperor Peter I: a new document on the expedition of Russian troops to the village of Endirey in Dagestan. 1722. *Vestnik arhivista.* 2021, 4: 1118–1130. (In Russ.)
4. Kurukin IV. Plans and results of the Persian campaign of Peter I. *Unicorn: Materials on the military history of Eastern Europe in the era of the Middle Ages and the Early Modern Age. Issue 2.* Moscow: Quadriga, 2011: 110–128. (In Russ.)
5. Bruce PH. *Memoirs of Peter Henry Bruce, esq. <...> containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies, etc.* London: Printed for the author's widow, and sold by T. Payne and son, 1782.
6. *Russian-Dagestan relations in the 17th – first quarter of the 18th centuries.* Makhachkala: Dagestan book Publ., 1958. (In Russ.)
7. On the Persian campaign under the sovereign Peter the Great. *Russian archive.* No. 12, 1899: 481–491. (In Russ.)
- 8 John Bell. *Travels from St. Petersburg in Russia to diverse parts of Asia. Vol. II.* Glasgow: Print. by R. and A. Foulis, 1763.
9. Travel journal of 1722. St. Petersburg, 1855.
10. Fedorov GS. Some episodes from the history of the campaign of Peter I to the Caucasus. *Russian-Dagestan relations in the 16th – early 20th centuries.* Makhachkala: Dagestan affiliation of AN SSSR, 1988: 84–95. (In Russ.)
11. Sheremetev PS. Vladimir Petrovich Sheremetev. 1668–1737. Moscow: Synodal Publ., 1914. (In Russ.)
12. Potto VA. *Peter I on the coast of the Caspian Sea.* St. Petersburg: V. Berezovsky, 1912. (In Russ.)
13. Polchaeva FA. The image of Peter I in the historical memory of the population of Dagestan. *History, archeology and ethnography of the Caucasus.* 2020, 16(4): 888–899. (In Russ.)
14. Berezin IN. *Journey through Dagestan and Transcaucasia. Part I.* Kazan: University press, 1850. (In Russ.)
15. Potto VA. *The royal family in the Caucasus September 18 – October 14, 1888.* Tiflis, 1889. (In Russ.)
16. Brief chronicle of the wars waged by the Russians against the Persians. *Otechestvennye zapiski.* Part 32. St. Petersburg, 1827: 53–93, 169–198. (In Russ.)
17. *Documents of Emperor Peter I.* St. Petersburg, 1873. (In Russ.)
18. Golikov II. *Acts of Peter the Great, the wise reformer of Russia, collected from reliable sources and arranged by years. Part VIII.* Moscow: N. Stepanov's Press, 1789. (In Russ.)
19. Soymonov FI. *Description of the Caspian Sea and the Russian conquests made on it, as part of the history*

истории государя императора Петра Великого. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1763.

20. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991.

of the Emperor Peter the Great. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1763. (In Russ.)

20. Sotavov NA. *North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the 18th century.* Moscow: Nauka, 1991. (In Russ.)

Поступила в редакцию 18.08.2022

Принята в печать 09.10.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 18.08.2022

Accepted 09.10.2022

Published 25.12.2022